цы. Весной 1706 года в Азове собралась пограничная российско-османо-крымская комиссия. Результатом ее деятельности стало соглашение о границе, заключенное в апреле 1706 года в Ачуеве дьяком К. И. Рудеевым, и обязательство прекратить приграничные набеги[56]. Определенные данным соглашением границы в Приазовье бесповоротно лишали Крымское ханство возможности располагать сухопутным сообщением с владениями в Прикубанье и, соответственно, сильно ослабляли геополитическое влияние ханства на народы Центрального Предкавказья.

Астраханское восстание 1705–1706 годов осложнило международную обстановку в крае и резко ослабило позиции России на Северном Кавказе. Положение усугублялось еще и тем обстоятельством, что восставшие установили дипломатические сношения с Крымским ханством. В этот сложный период кабардинская аристократия в лице Идаровичей оказала России действенную помощь в подавлении мятежа. Так, к примеру, Адиль-Гирей Черкасский совместно со своим братом Дивеем[57] и Терским воеводой Д. И. Молостовым в ноябре 1705 года ликвидировали восстание в Терском городе[58].

Весной 1707 года в Москве Адиль-Гирей Черкасский встречается с Петром I. За проявленную верность и службу князь получает щедрое вознаграждение[59]. К этому же году относится сообщение о том, что в предместье Терека живет «терский отставной» Батыр Мурза Черкасский, исполняя функции князя над местным, черкесским, окоченским населением[60]. По-существу, это последнее упоминание об Идаровых. Вследствие этого фактически прекращает свое существование и само княжество Идария[61]. По мнению В. Х. Кажарова, падение «Идареевой Кабарды» было предопределено, поскольку «стиснутое со всех сторон враждебным окружением, разоряемое внутренними и внешними войнами, невосполнимо теряя людские и материальные ресурсы, лишенное помощи со стороны остальной Кабарды, это княжество в течение всего XVII века постепенно приходит в упадок, а в начале XVIII века, когда род Сунчалеевичей пресекся, среди Идаровых не осталось никого, кто мог бы управлять княжеством, сочетая эти функции с княжением над нерусским населением Терского города»[62]. Геополитический смысл падения Идарии проявился уже в следующем, 1708 году, когда произошло нападение на Терскую крепость кумыков, чеченцев и ногайцев под руководством башкирского хана Мурада Кучукова[63].

В начале марта 1707 года благодаря усилиям французского посла, тайного агента С. Лещинского и шведского короля, в российско-османских отношениях возникла новая напряженность. Судя по сообщениям П. А. Толстого в Москву, Людовик XIV предписал своему послу в Стамбуле Ш. Ферриолю, чтобы он «всяким образом потщился Порту привесть

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 58 30.03.2012 14:06:07

в ссору с Российским государством и неотступно о том помышлял, хотя и с великим иждивением. И посол оный, умысля, что ему одному Порту в такое дело привесть трудно и ведая, что явными поступками не скоро меня может осилить и я буду чинить ему прешкоду, того ради согласился тайно с ханом крымским... и по такому соглашению хан прислал в Стамбул своего везиря»[64]. В то же время Ш. Ферриоль внушал османским чиновникам, что если Порта «в нынешнем времени московского царя не утеснит, уже-де впредь долго такого времени дожидаться»[65]. На аудиенции у султана ханский везирь испросил разрешения «итить в помощь королю шведскому»[66].

Российскому послу удалось предпринять ряд контрмер: вручить письмо с разоблачением интриг Крымского хана и французского посла и перекупить некоторых чиновников османского правительства. В результате этого султан решил сменить хана. 27 марта 1707 года султан собрал совет, на котором была решена отставка хана Газы-Гирея I и назначение на ханский престол Каплан-Гирея I, которому повелели «с Московским государством жить смирно»[67].

Рис. 10. **Монета Крымского хана Каплан-Гирея I**

В июне П. А. Толстому донесли, что Ш. Ферриоль отправил своего эмиссара к новому Крымскому хану. Российскому послу стало известно, что Каплан-Гирей I в принципе был не против подстрекательских планов французского дипломата, однако считал, что еще не наступило время для их осуществления.

В июле 1707 года в Стамбул с официальной миссией прибыл посол С. Лещинского Галицкий стольник Гурский. Ш. Ферриоль деятельно помогал Гурскому в осуществлении его миссии, сводившейся к тому, чтобы Портой немедленно было дано разрешение крымцам выступить против русских. В дальнейшем же имелось в виду образование антирусского шведско-польско-османского союза[68]. Благодаря крупным взяткам султанскому имаму, рейс-эфенди и везирю, П. А. Толстому удалось предотвратить организованный французским послом заговор. 9 августа муфтий

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 59 30.03.2012 14:06:07

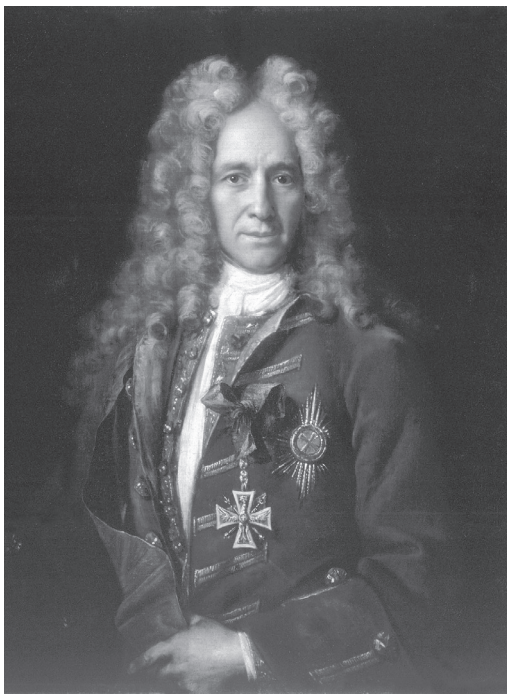

Рис. 11. **Г. И, Головкин**

дал знать российскому послу, что на совете у султана после большого спора было решено сохранить мир. В сентябре П. А. Толстой донес: «Который поляк был здесь от С. Лещинского... отпущен нечестно, можно сказать, что выслан силою, когда он был у везиря на последней аудиенции»[69].

9 января 1708 года П. А. Толстой получил из Москвы пакет с тремя документами: копией письма гетмана Мазепы, отправленного им в Москву в ноябре прошлого года, сопроводительным письмом канцлера Г. И. Головкина с выражением недовольства службой посла и царским указом[70]. В Москве считали, что предоставляемая П. А. Толстым информация не отражает истинного положения дел в Стамбуле и что заверения посла о невозможности вхождения Османской империи в антирусский альянс и развязывании военных действий в ближайшее время ни на чем не основаны. Итак, в начале 1708 года российское правительство располагало двумя взаимоисключающими оценками ситуации в Стамбуле. Одна исходила от П. А. Толстого, неизменно извещавшего Петра I и канцлера Г. И. Головкина, что султанское правительство не только не готовится к войне, но и не помышляет о ней. Другая оценка исходила от Мазепы и других российских дипломатов в западноевропейских странах. По их представлениям, османы активно готовились к войне и если не зимой, то весной 1708 года обязательно должны были напасть на Россию.

В ситуации, когда османское правительство твердо придерживалось миролюбивой политики в отношениях с Московским государством, западноевропейские дипломаты располагали единственно реальной возможностью развязать военный конфликт — использовать геополитические интересы Крымского ханства. Каплан-Гирею I, активно включившемуся в дипломатическую игру посланников Франции, Швеции и Польши, для того чтобы избежать обвинения в явном нарушении султанского указа о добрососедских отношениях с Россией, категорически

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 60 30.03.2012 14:06:07

необходимо было спровоцировать российское правительство на превентивные военные действия. Причем инцидент должен был произойти на территории Кабарды, статус которой не был определен русско-турецким договором 1700 года.

Первым и единственным дипломатическим успехом крымцев на этом поприще, несомненно, является организация в феврале 1708 года нападения на Терский город кумыков, чеченцев и ногайцев под руководством башкирского хана Мурада Кучукова, пробившегося на Северный Кавказ по призыву крымского хана Каплан-Гирея I (1707–1708)[71].

О личности Кучукова известно немногое. По происхождению он был чингизид из Каракалпакии. В донесении Астраханского воеводы П. М. Апраксина Петру I от 20 марта 1708 года сообщается: «В прошлом 1707 году уфимский башкирец, который назвал себя салтаном, был в Цареграде и в Крыму о башкирской измене и, прибежав с Кубани, явился в горских народах, которые близ Терека, называются чеченцы, мичкизы, аксайцы; и те народы прельстя, называя себя прямым башкирским салтаном и проклятова их закона басурманского святым, учинился над ними владельцем... »[72].

Практические действия Кучукова не заставили себя долго ждать. За короткое время крестьянские массы различных народов «Идареевой Кабарды» объединились для вооруженной борьбы против своих сюзеренов — Идаровичей, а также стоявшей за их спиной российской администрации в лице воеводской власти города Терки. Основное ядро восставших крестьян составляли окочане, мичкизы, аксайцы, кумыки, казаки-раскольники с Кубани, тавлинцы, ногайцы, татары и т. д. Кучукову удалось собрать отряд численностью около 1600 человек. Примечательно, что в лагерь повстанцев стекались даже кочевые племена вместе с их баями, мурзами, султанами и другими владельцами, недовольные действиями терского воеводы.

Известно, что два знатных терских окочанина и Лузан, ногайский уздень кабардинского князя Адиль-Гирея Черкасского, которые ездили из городка Терки в Чечню для продажи рыбы, изменили своему господину и бежали в лагерь Кучукова. Они подробно ознакомили восставших с расположением военно-административных властей города Терки, обстановкой внутри крепости и ее обороноспособностью. Именно они убедили восставших «идти войною на город Терки», поскольку «де город весь обвалился» и солдат в нем в настоящее время «малое число», а «которые ратные люди были, и те взяты на службу и стрелять из ружья некому, а которые и есть люди, и те худы... »[73].

12 февраля 1708 года восставшие подошли к Теркам, расположились в окрестных садах, выбрав для себя здесь удобную позицию. Впере-

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 61 30.03.2012 14:06:07

ди восставших во главе с Муратом Кучуковым шли дворянин Лузан и два чеченца, показывая путь к крепости. Горцам удалось проникнуть в город, состоявший из деревянных строений и укреплений. Разгорелось сражение между восставшими и военными гарнизоном. «Терский воевода Р. Вельяминов, — пишет С. М. Соловьев, — после долгого сопротивления должен был уйти в верхний город»[74]. Первое сражение с российскими войсками закончилось победой восставших. Ими был взят посад, нижний город, сожжено много строений и укреплений терской администрации, захвачены 7 медных и 3 чугунные пушки[75].

Р. Вельяминов в спешном порядке укрепил крепость, для чего перебросил сюда пушки и подкрепления. Поэтому повстанцы, несмотря на их частые атаки, в дальнейшем не смогли овладеть крепостью. Среди участников восстания возникли разногласия. Одни предлагали единым порывом полностью разгромить войска терского воеводы, другие предлагали окружить крепость со всех сторон и ждать, пока не иссякнут хлебные припасы, которых, по сведениям Лузана, оставалось в крепости «не более 600 мешков, да и те гнилые»[76]. Кучуков склонился к предложению первых. Было решено не ждать добровольной сдачи крепости, а напротив, на следующий день «учинить над городом со всех сторон приступ крепкий... »[77].

Р. Вельяминову удалось своевременно оповестить российские власти о сложившейся ситуации. Астраханский воевода П. М. Апраксин срочно послал несколько военных отрядов на помощь осажденным: морем отряд в 1200 солдат во главе с полковником, наемное войско из «татар-юртовских» 250 человек, из «астраханских же мурз и татар» — 400 человек. Калмыцкий хан Аюка прислал своего внука с трехтысячным отрядом калмыков[78]. В общем, против восставших горцев Астраханским воеводой было выделено войско численностью около 5000 человек.

Один из документов того периода повествует о том, как на протяжении февраля 1708 года происходят частые и небольшие стычки между горцами и войсками терского воеводы. Но еще до прихода астраханских войск, 26 февраля разразилось крупное сражение у крепости Терки и в ее окрестностях. Это произошло, видимо, до того, как П. М. Апраксин успел уведомить Петра I письмом от 20 марта 1708 года о посылке им в Терки военной помощи[79]. Подробности этого сражения документы не сообщают. Известно только, что нападавшие были разбиты и рассеяны[80], а их предводитель Мурат Кучуков «раненый, был взят в плен»[81] и отправлен на допрос в Казань. «Неприятелей под Терком побили, — сообщает российский источник, — и того злодея самого владетеля их салтана взяли, ранен легкою раною, жив и ныне в наших руках; а как того злодея взяли, тотчас неприятели от Терка отошли[82]. В случае же успеха Кучуков

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 62 30.03.2012 14:06:07

«намерен был... идти в Башкирцы»[83], а по свидетельству английского посла в России Ч. Витворта, повстанцы намеревались «захватить Астрахань и затем соединиться с казаками»[84]. Руководитель восстания Мурат Кучуков вскоре был казнен, а против чеченцев, кумыков и ногайцев были спровоцированы набеги донских казаков и кабардинских князей.

Непосредственно после разгрома терского восстания 1708 года Каплан-Гирей обратил свои взоры на Кабарду. Поводом для вторжения крымцев в Центральное Предкавказье послужил эпизод из противоречивой истории взаимоотношений Крымского ханства и Кабарды. Весной 1707 года кубанский калга Менгли-Гирей получил указ Каплан-Гирея I: собрать с кабардинских князей ясак, добиться выдачи скрывшихся в их владениях бесланеевцев, убивших в 1699 году кубанского сераскера Шахбаз-Гирея, и попытаться уговорить князей переселиться на Кубань. К концу лета 1707 года Менгли-Гирею путем различных ухищрений удалось собрать с Кабарды ясак. Однако в начале осени 1707 года скрытое недовольство населения поведением татар переросло в открытое неповиновение. Практически весь отряд сейменов был уничтожен, Менгли-Гирею чудом удалось бежать.

Как только в Бахчисарае стали известны подробности случившегося в Кабарде, Каплан-Гирей I отправил в Стамбул посла, который уведомил султана о судьбе миссии Менгли-Гирея и передал просьбу хана — санкционировать военные действия против кабардинских князей. П. А. Толстой, внимательно следивший за развитием интриги, в письме, отправленном в Москву в феврале 1708 года, сообщал: «Порта дала свое согласие, и султан послал хану в подарок дорогой кафтан и саблю», предписал ему собрать 30 или 40 тысяч татар и самому возглавить поход, «чтобы оных черкес разорить и жилища их пожечь»[85]. Кроме того, султан приказал бейлербею Каффы Муртазу-паше присоединиться к войскам хана[86]. Поход Каплан-Гирея I вызвал большую тревогу в российском посольстве в Стамбуле. Между османской знатью ходили слухи, что он являлся только предлогом для того, чтобы придвинуть турецкие войска к российским границам, а настоящая цель похода — отвоевание областей, населенных мусульманами (Астрахани, Уфимского уезда и Казани).

Необходимо отметить, что в преддверии кампании «мурзы крымские отклоняли хана от похода»[87]. Военный потенциал кабардинского войска к началу XVIII века, в силу значительного распространения огнестрельного оружия, заметно возрос, в то время как видовое разнообразие вооружения крымско-татарского войска не претерпело существенных изменений. На это и указывала крымская знать, «совершенно резонно выставляя на вид неуменье татар владеть огнестрельным оружием»[88]. Но Каплан-Гирей I не внял доводам своих приближенных.

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 63 30.03.2012 14:06:07

В течение февраля — марта 1708 года Каплан-Гирей I собрал многочисленное войско для предстоящей компании. Османский историк Рашид, говоря о численности и составе войска хана, называет свыше 35000 человек. Основу его составляли вооруженные силы, собранные по ханскому указу с «кубанской стороны» — 26000 ногайских татар. В походе приняла участие и часть темиргоевских князей, которые привели с собой 5000 всадников. Военный отряд, прибывший в Прикубанье вместе с Каплан-Гиреем морским путем — через Керченский пролив, — включал в себя личную охрану хана — около 1 500 сейменов и 3000 сипахов под командованием бейлербея Кафы Муртазы-паши[89].

В преддверии крымского нашествия верховный князь Кабарды Кургоко Атажукин (1693–1710) сумел организовать оборонительный союз, объединивший вооруженные силы кабардинских княжеств. Военный потенциал кабардинцев к началу 1708 года составлял приблизительно 12000–15000 воинов[90]. Реальная опасность полного покорения страны требовала от верховного князя поиска военно-политической поддержки среди соседних народов.

Выявленный нами источник — письмо Саратовского коменданта Н. П. Беклемишева к кабардинским князьям от 1711 года — указывает на то, что в начале весны 1708 года из Кабарды к Калмыцкому хану Аюке прибыли посланники. Цель их визита заключалась в том, чтобы «Аюка-хан послал... своих воинских людей на Кубань для воинского происку над кубанцы»[91]. Хан вынужден был ответить отказом, поскольку «без указу великого государя людей своих войною на Кубань послать» не может, к тому же «у великого государя с турским салтаном и крымским ханом учинен... мир»[92]. Однако о предложении кабардинских посланников Калмыцкий хан известил российские власти и в ожидании правительственного указа «для подлинного... ведения» оставил у себя из них Губека Куденета[93]. Присланный вскоре ответ категорически исключал любую форму военной поддержки. Подобный прием ожидал кабардинских посланников у донских, астраханских и гребенских казаков. В письме кабардинских князей Петру I, датируемом ранее 30 сентября 1712 года, о судьбе дипломатических миссий кабардинцев к российским властям накануне вторжения крымцев в Кабарду говорилось следующее: «Посылали от себя посланцов с письмами и з жалобою, что крымцы на нас нападают... и от вашей страны нас отбивают. И те посланцы наши... к вашему царскому величеству недопускиваны и поворачиваны з дороги назад в нашу сторону»[94]. В этих условиях Кабарда фактически оказалась в международной изоляции.

К середине весны 1708 года П. А. Толстой, благодаря аргументированной критике противоречивых сведений и слухов, поданных в Посоль-

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 64 30.03.2012 14:06:07

ский приказ гетманом Мазепой, выявил провокацию и разрушил план дипломатической игры внешнеполитических ведомств Польши и Швеции. Правительству Петра I удалось своевременно обнаружить подлинную причину вторжения крымских войск в Центральное Предкавказье и принять надлежащие меры. Позиция невмешательства в крымско-кабардинский конфликт позволила Московскому государству обезопасить свои южные границы в самый опасный период Северной войны — 1708–1709 годы. После выхода Польши из Северного союза и заключения Альтранштедского мира, предопределившего решение шведского короля Карла XII двинуть свои войска против Петра I, русской армии предстояло без поддержки союзников вести войну с лучшей европейской армией. Кроме того, важные внутриполитические обстоятельства — Булавинское восстание 1707–1708 и башкирский мятеж 1705–1711 годов — требовали от правительства значительных усилий по их локализации и подавлению. Поддерживать в подобной ситуации Кабарду в ее борьбе с Крымом значило неоправданно обострять ситуацию на южных границах, что в конечном счете неизбежно должно было привести к сокращению сил, мобилизованных против Карла XII.

К середине лета 1708 года османо-крымское войско достигло Кабарды и расположилось лагерем вблизи истока реки Малка[95]. Кургоко Атажукин вступил в переговоры с Каплан-Гиреем I. Современник этих событий, османский историк конца XVII — начала XVIII века Фындыклылы Мехмед Халифе[96] в своем обстоятельном сочинении «История Селяхдара» так описывает ход переговоров: «Когда крымские ханы назначались, то у черкесских беков было принято набирать 300 человек ясыря и отдавать новому хану под именем подарка. Крымский же хан Каплан-Герай не удовольствовался этим количеством ясыря, настаивая на своем слове: «Меньше трех тысяч я не беру». Тогда черкесские эмиры посоветовались и говорят: «Хотя и такое количество ясыря отдавать водилось у нас в обычае; но только ведь до сих пор в 15–20 лет один хан был сменяем; теперь же каждый год новый хан[97] — чьих же детей мы будем отдавать? Особливо теперь: большинство народа черкесского освящена благодатью ислама; в каждой деревне, в каждом селе строятся соборные и приходские мечети и школы; исправно совершается пятикратная молитва и идет обучение юношества; дозволено ли в священном законе полонить целое полчище народа мухаммеданского, подобно воюющим гяурам, и отсылать к вашему присутствию? Есть ли соизволение Божие на такое притеснение? Пожалуйста, уж извините; а иначе никак не возможно»[98]. Сражение было неизбежно.

Решающая битва произошла в начале сентября 1708 года вблизи горы Канжал. Согласно данным И.-Г. Гербера (1728), «черкесы собрались

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 65 30.03.2012 14:06:07

Рис. 12 **Сипахи**

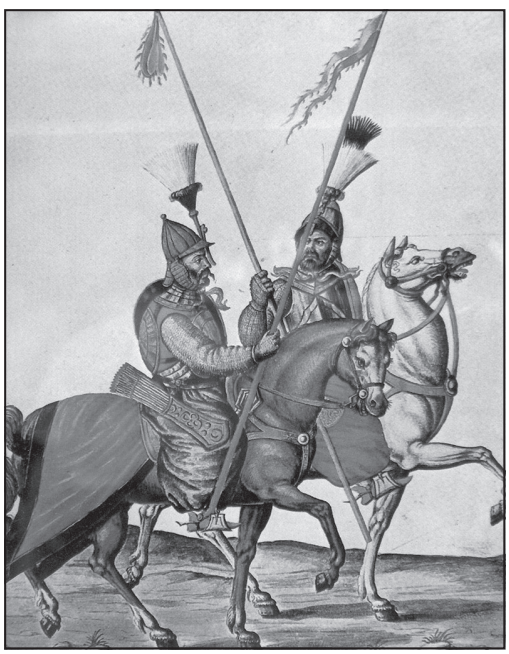

Рис. 13 **Сипахи**

Рис. 14 **Янычары**

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 66 30.03.2012 14:06:07

Рис. 15. **Черкесы**

в одно место, к которому между горами дорога узка и тесна и чтоб татаров туда к себе обманом привести, отправилось от них 12 человек, которые пришли к татарскому войску и назвались беглецами. И обязались крымские войска, хоть и через узкую, однако же, безопасную дорогу в самые черкесы привести, чему крымцы и поверили и через вышеописанную дорогу без помешательства проехали. А по приближении оного крымского войска черкесы все собрались и около той же дороги за горами в закрытии держались. А как татары оную дорогу прошли и палатки свои в той долине ставить начали, то черкесы из гор с каменьями к тому приготовленными, дорогу завалили, на татаров внезапно напали»[99]. Материалы «Описания кабардинского народа» (1748) подтверждают и дополняют эти сведения. «Кабардинцы, загнав свой скот в горы, сами долгое время сидели в осаде в Баксане»[100]. Тогда Каплан-Гирей I, осознав «что со степной стороны достать их невозможно»[101], пошел на хитрость и «тайно послал большую часть войск своих в горы, чтобы кабардинцев и оттуда утеснить»[102]. Однако кабардинцы «о том уведав», устроили засады во «все тесные проходы» и, пропустив «через некоторые крымцов и кубанцов, «камением те проходы заметали»[103]. Крымские войска были окружены, а затем, с наступлением ночи, неожиданно атакованы[104]. В результате боя было уничтожено 30000 крымцев[105]. Князь Татархан Бекмурзович сообщал: «Хан ушел с малыми людьми, а иные без бою с гор убивались. Солтана взяли в плен и многих их мурз и простых крымцев, четыре тысячи коней и панцирей множество, 14 пушек, 5 бомб, много пищалей и всю их пороховую взяли. И шатры, которые у них, все взяты»[106].

В конце октября 1708 года в Стамбуле стало известно о разгроме и бегстве Каплан-Гирея I из Кабарды. П. А. Толстому удалось узнать подробности событий осени 1708 года. Согласно сведениям, собранным послом, от ханского войска уцелело около 5000 человек, из отряда Муртазы-паши, располагавшего «четырьмя тысячами турок конных..., возвратилось в Керчь всего человек с тридцать»[107].

Каплан-Гирей I не рискнул вернуться в Бахчисарай и остался у ногайских мурз в Прикубанье. Через своих сторонников в среде крымской знати он попытался объяснить Порте победу кабардинских князей

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 67 30.03.2012 14:06:08

российской помощью и тем, что с кабардинцами якобы были калмыки и астраханские казаки. Благодаря сведениям, своевременно полученным из Крыма от греческого купца Севастопуло, П. А. Толстой сумел предупредить замыслы хана и не допустить осложнения российско-османских отношений[108].

Разгром крымцев вызвал большой общественно-политический резонанс в Юго-Восточной Европе. Молдавский господарь Михайло Раковица извещал российского канцлера Г. И. Головина: «Хан какой срам, урон и напасть восприял от черкесов, есть дело сие достойное слышанию, если напредь сего от кого иного о сем слыхали истинно, что уж пострадал так, чего или никогда или от веку не видал Крым, так что из старшины крымской и из ширинбеев очень немного спаслось, также и из яман сайдаков первый мурза и з другими убиты. Насилу хан жив ушел, а шатры его, и что было с ним привезено, все досталось в руки черкесам. Сим крымцам погибель и напасть случилась оттого, что неприятели на них в ночи внезапно и нечаянно ударили»[109]. По словам Фындыклылы, никогда не слыхано было такого их избиения[110].

Ахмед III сместил Каплан-Гирея I, назначив в ноябре 1708 года на его место Девлет-Гирея II. Поскольку назначение последнего угрожало делу сохранения мира с Османской империей, российский посол попытался предпринять контрмеры. Но на этот раз ему пришлось довольствоваться заверениями рейс-эфенди и муфтия, что хан будет отправлен в Крым со строгим наказом не повторять старых ошибок. Так как это назначение могло быть интерпретировано в западноевропейских дипломатических кругах как явный показатель шведско-османского сближения, П. А. Толстой в письмах к канцлеру Г. И. Головкину и российскому посланнику в Австрии И. Х. Урбиху усиленно подчеркивал кабардино-татарские противоречия внутри Крымского ханства[111].

Новая напряженность в российско-османских отношениях возникла в середине апреля 1709 года. Гетман Мазепа, бежавший в ставку шведского короля Карла XII, обратился к Крымскому хану с предложением ввести войска «в казацкую землю». Девлет-Гирей II известил османское правительство о предложении гетмана, на что последовал указ, категорически запрещавший хану вступать в контакты с Мазепой. Безуспешными оказались и попытки ханского посланника в Стамбуле изменить решение султана.

В конце мая — первых числах июня 1709 года до столицы Османской империи дошли слухи, распространяемые греческими купцами и комендантами пограничных крепостей, о том, что русский царь во главе армады военно-морских кораблей прибыл в Азов. Для предотвращения опасных слухов и демонстрации мирных намерений правительство Петра I

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 68 30.03.2012 14:06:08

прибегло к решительным мерам: в Азов был приглашен представитель османского правительства в Крыму Кападжи-паша, в присутствии которого в июне 1709 года были сожжены десятки кораблей Азовского флота. Кроме того, в Стамбул были посланы богатые подарки и деньги.

Военная обстановка на Центральном Предкавказье оставалась напряженной. Весной 1709 года с санкции Девлет-Гирея II военные действия Кубанской Орды против Кабарды возобновились. Конфликт приобретал затяжной характер. Канжальская битва, вопреки ожиданиям кабардинских князей, не принесла мира. Геополитические позиции Кабарды, вынужденной с 1708 года без поддержки союзников, фактически в условиях международной изоляции, вести войну с крымцами, оказались существенно подорваны.

По-видимому, разгром многочисленного крымского войска кабардинцами осенью 1708 года навел Петра I на мысль о возможности использования крымско-кабардинской конфронтации в случае войны с Османской империей. Об этом свидетельствует письмо, отправленное царем 15 февраля 1709 года Азовскому губернатору И. А. Толстому, в котором Петр I указывал: «Понеже от турков хотя и еще не совершенно, однако ж, некоторое начинает быть помышление к войне, того ради вам надлежит не своим лицом, но чрез верных или из донских казаков или через кого иного обослатца к черкесом, которыя ныне воюют с крымцы, похотят ли они с нами заодно быть. А сие для того, ежели б, отчего боже сохрани, турки или татары что зачали с нами, тогда б уже и нам оных явно принять к себе, что надлежит заранее основать, аднакож, зело тайно и не от своего лица»[112].

Губернатор неукоснительно выполнил царское повеление. С соблюдением необходимых предосторожностей весной 1709 года И. А. Толстой отправляет в Кабарду своего посланника. Предложения, переданные Кургоко Атажукину российским представителем, превосходили уровень полномочий верховного князя. Решение, которое от него ожидали в Азове, не могло быть принято без санкции сословно-представительного учреждения всей Кабарды — Хасы. На ее организацию необходимо было время, что в свою очередь приостановило ход переговоров. Вскоре И. А. Толстой принял у себя кабардинского посланника, вручившего губернатору письмо, адресованное Петру I, текст которого, к сожалению, не сохранился. Посланник передал принципиальное согласие кабардинских князей на вхождение Кабарды в антикрымский альянс в случае русско-турецкой войны, о чем губернатор известил Петра I.

В начале лета 1709 года в соответствии с царским указом И. А. Толстой направляет в Кабарду своего представителя. О том, как развивались события дальше, мы можем судить по письму кабардинских князей

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 69 30.03.2012 14:06:08

от 1711 года: «И как тот ваш посол к нам доехал, и в то число собрали мы горских черкес и иных, которые под овладением нашим, и от вашего величества посланной лист прочли. И они о том благодарили»[113]. Итак, к середине лета 1709 года правительству Петра I, посредством договора с кабардинскими князьями, удалось укрепить свои геополитические позиции на всей территории Центрального Предкавказья.

Тем временем российско-шведское противостояние достигло своей кульминации. Войска Карла XII осадили Полтаву. Шведская дипломатия приложила немало усилий, чтобы к этому времени объединить все антироссийские силы, в первую очередь Османскую империю и Крымское ханство[114]. Австрийский посол при главной шведской штаб-квартире граф Ф. Л. Цинцендорф причины осады Полтавы объяснял так: «Король предпринял осаду Полтавы, чтобы оттуда получить возможность утверждать свое положение на Черном море, причем считают, что шведы, обеспечившие себя в этой войне симпатией Турции, имеют намерение получать из Турции все необходимые для армии товары»[115]. Однако правительство Ахмеда III заняло нейтральную позицию, ожидая решительных шведских побед. Неоднократные поражения, понесенные шведами на российской границе с конца августа до конца сентября 1708 года, и в особенности разгром корпуса генерала Левенгаупта в сражении при Лесной, значительно повысили международный престиж России. Порта, собиравшаяся выступить на стороне шведов, узнав об этой победе, стала заверять правительство Петра I в своей готовности соблюдать мир[116].

Между тем 27 июня 1709 года под Полтавой российская армия нанесла сокрушительное поражение шведским войскам. Карл XII вместе с Мазепой бежал в османские пределы. Полтавская баталия опосредованно повлияла на обострение русско-турецких отношений[117]. В Стамбуле, как и всюду в Западной Европе, не только увидели в России силу, с которой следует считаться, но стали опасаться ее чрезмерного усиления. С августа 1709 года в донесениях П. А. Толстого появились сведения об интенсивной подготовке османского правительства к войне. Все же и на этот раз П. А. Толстому удалось переломить ситуацию: 3 января 1710 года султан возобновил Константинопольский договор 1700 года. Письмо, отправленное 7 января 1710 года в Москву, свидетельствует об уверенности посла в невозможности в ближайшее время разрыва мирных отношений с Россией.

Подводя итоги параграфа, необходимо отметить следующее. На рубеже XVII–XVIII веков Московское государство вступает в новую стадию развития. Во внешнеполитической стратегии Петра I формируется два направления: европейское, ориентированное на закрепление на Балтийском побережье, и южное, направленное на продвижение российских

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 70 30.03.2012 14:06:08

границ к Черному морю. Успех Азовских походов 1695–1696 годов активизирует геополитическое продвижение России на юг, где она сталкивается с Крымским ханством — вассалом Османской империи и Сефевидским Ираном. Особенно остро интересы этих трех держав пересекаются на Северном Кавказе. Ключевое положение в его центральной части занимала Кабарда, объединявшая под властью кабардинских князей из дома Иналовичей целый ряд северокавказских народов. Традиционные политические связи с Русским государством делали Кабарду естественным союзником России в противоборстве с Крымом и Турцией. Поэтому их агрессия, продолжавшаяся с XV века, с новой силой активизируется в начале XVIII века, когда Стамбул и Бахчисарай предпринимают активные попытки вернуть Азовское побережье.

В силу объективных причин русско-кабардинские связи во время Северной войны заметно ослабевают. Тем не менее как совершенно справедливо заметил М. Андерсен: «Захватывающие военные события русско-шведской борьбы не должны затенять для нас крайней важности усилия российской дипломатии, которая поддерживала мир на южных границах до тех пор, пока не наступил поворотный момент в этой борьбе»[118]. Занятый войной с одной из сильнейших держав Европы — Шведским королевством, Петр I вынужден был сохранять мирные отношения с Османской империей, не вступая в жесткое противодействие политике давления и экспансии, которую проводили османы по отношению к давнему союзнику России — Кабарде. Конечно, при этом российское правительство постоянно заявляло о союзнических отношениях с Кабардой, но большой и реальной помощи в то время оказать ей не могло.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Османская империя и Крымское ханство принимают решение оккупировать и полностью подчинить себе Кабарду. Приведенные нами материалы свидетельствуют о том, что османо-крымские притязания пагубно отражались на исторических судьбах народов Кабарды, вели к значительным человеческим жертвам, тормозили экономическое, политическое и культурное развитие ее населения и в конечном итоге усугубляли кризис кабардинской государственности. Гиреи неуклонно стремились свести систему социально-политических отношений с Кабардой, включавшую брачные союзы, торговые и аталыческие связи и т. д., к тотальному политическому господству, а практически, к возможности собирать с народов Центрального Предкавказья богатый ясак. Поборы крымских ханов еще больше осложняли и без того тяжелое положение кабардинских крестьян. Особой остроты крымско-кабардинские отношения достигли в начале XVIII века, когда вторжения османо-крымских войск в пределы Кабарды следовали фактически ежегодно (1703, 1707, 1708, 1709). Однако экспан-

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 71 30.03.2012 14:06:08

сионистские замыслы Порты не имели успеха. В крупнейшем сражении в истории крымско-кабардинского противостояния — Канжальской битве — Кабарде удалось отстоять свою независимость. Блестящая победа кабардинцев и охлаждение российско-османских отношений подтолкнули правительство Петра I к решению о необходимости укрепления и расширения военно-политических отношений с Кабардой, нашедшему практическое воплощение в ходе российско-кабардинских переговоров накануне русско-турецких войн 1710–1713 годов.

§ 2. Кабарда в русско-турецких войнах 1710–1713 годов

В условиях назревавшей войны с Османской империей и Крымским ханством правительство Петра I в конце лета 1710 г. приступило к организации антикрымского альянса. 5 сентября 1710 года был заключен российско-калмыцкий договор «О подданстве хана Аюки со всеми тайшами и с людьми его Российскому государству»,[119] подписанный от имени царя Казанским и Астраханским губернатором боярином П. М. Апраксиным и от Калмыкии ханом Аюкой, тайшами Чеметом, Четером и Дондук-Омбо.

В основном договор был посвящен военному союзу, объединению усилий обеих сторон на обеспечение безопасности городов Казанской губернии, Поволжья, Дона, а также и Калмыцкого ханства, упрочению установившейся дружбы и «названного братства». Вместе с тем он кардинально отличался от шертных записей не только по структуре (текст имеет заголовок и разделен на шесть статей, есть подписи и печати губернатора и хана), но и конкретностью и направленностью содержания, иными формами обращения друг к другу договаривающихся сторон. Впервые в этом документе на государственном уровне признавалось, что Аюка является влиятельным ханом «над многими степными ордами»,[120] имелись в виду ногайские, едисанские, ембулукские и малибашские мурзы.

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 72 30.03.2012 14:06:08

Рис. 16. **Калмыцкий воин**

В договоре от имени царя были признаны заслуги хана Аюки в защите южных границ России, отмечена его верная служба государю. Петр I, выразив удовлетворение службой калмыков, значительно увеличил жалование хану Аюке и его тайшам, выделил пороху и свинца, обещал и впредь оберегать Калмыкию от внешних врагов. Содержание первой статьи и ответ хана Аюки, «что он великому государю служить обещался до смерти своей, во всякой верности», свидетельствовали об упрочении отношений России с Калмыцким ханством, закрепляли особый статус Калмыкии как государства, хотя и вассального типа, в составе России. Особое значение придавалось калмыцкой коннице на Азово-Кубанском направлении, в борьбе с крымскими татарами. В целях приближения калмыков к театру будущих военных действий Аюка обещал прислать «к Дону против Манацкого городка, который недалеко от Черкасского, калмык с двумя тайшами с Чеметем Батырем, да Чеметем Мункотемировым сыном, кочевать 10000 человек».[121] Именно этот отряд в последующем, в январе 1711 года, стал главным сдерживающим фактором выступления кубанских татар на помощь крымским татарам.

В то же время взаимоотношения с пророссийской группировкой кабардинских князей правительство Петра I ведет секретно и в такой форме, чтобы даже в случае огласки не дать возможности Порте интерпретировать их как явное нарушение условий Константинопольского договора 1700 года. Напомним, что еще в начале лета 1709 года И. А. Толстой, выполняя царское повеление, направил в Кабарду своего представителя с предложением о военно-политическом сотрудничестве[122]. Однако ни о каком правовом оформлении переговоров не могло быть и речи.

Фактически перед нами приглашение, широко практикуемое в отношениях с северокавказскими владетелями в XVI–XVII веках, «послужить царю». Кроме того, серьезные внутриполитические изменения в Кабарде, вызванные смертью в январе 1710 года Кургоки Атажукина и выбором на хасе верховным князем Хатокшоко Мисостова (1710–1721), союзника

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 73 30.03.2012 14:06:08

крымского хана Девлет-Гирея II, существенно осложнили переговорный процесс. Позиции пророссийской группировки кабардинских князей, особенно Джамбулатовичей, заметно осложнились. В письме, отправленном весной 1710 года Петру I, кабардинский князь Татархан Бекмурзин извещал царя о том, что «у нас с крымцами идет война великая»[122], и просил о незамедлительной военной помощи.

Начиная с лета 1710 года российско-османские отношения резко ухудшаются. Сказались непрерывные внушения Девлет-Гирея о «русской опасности» для Крыма, подкрепленные появившимися в Европе слухами об «Ориентальном цесарстве». Немалую роль сыграли и взятки для османских чиновников, переданные личными представителями Карла XII в Стамбуле Нейгебауэром и Понятовским. В сентябре 1710 г. Девлет-Гирей прибыл в Стамбул. На заседании дивана хан запугивал султана тем, что будто бы Петр I, значительно усилившийся благодаря победе над шведами, выдвигает претензии на османские земли, что российские войска укрепляются в районе Каменец-Подольска. В своем последнем письме, отправленном в конце 1710 г., П. А. Толстой успел уведомить свое правительство о том, что султан принял решение «войну с нами начать ныне через татар, а весною всеми турецкими силами».[123] 9 ноября 1710 г. был оглашен султанский фирман о начале войны с Россией.

По мнению английского посла в Стамбуле Р. Саттона, в принятии окончательного решения о начале войны определяющую роль сыграла именно агитация Девлет-Гирея. Как писал Саттон, «война с Россией целиком является делом татарского хана»[124]. Австрийский посол при дворе Ахмеда III И. М. фон Тальман также неоднократно извещал свое правительство о решающей роли в разрыве российско-османских отношений шведов, французов и поляков из числа сторонников С. Лещинского и Крымского хана Девлет-Гирея II[125].

Перспектива войны на два фронта подтолкнула Петра I на решительные дипломатические действия: через дипломатов Англии и Голландии Швеции был предложен взаимовыгодный мирный договор, а султану — восстановление мира[126]. Однако ни то, ни другое предложение не встретило поддержки.

Разработанный русским дипломатическим и торговым агентом С. Рагузинским стратегический план военных действий включал в себя операции на широком фронте от Балкан до Кубани[127]. Он исходил из господствовавшей после Полтавы в российских дипломатических и военных кругах переоценки собственных сил и явной недооценки сил Порты, а особенно Крыма. Борьбе против Крымского ханства отводилась явно второстепенная роль (впервые в истории русско-турецких конфликтов). Для проведения отвлекающих действий против татар планировалось

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 74 30.03.2012 14:06:08

выделить не более 20000 казаков под командованием гетмана Украины И. С. Скоропадского и генерала Д. И. Бутурлина. На подвластную Крыму Кубань предполагалось отправить около 7000 солдат казанского губернатора П. М. Апраксина[128]. Однако уже первые события 1711 года показали пагубность такой недооценки.

Петр I решил взять инициативу в свои руки и выдвинуть войска к южной границе. В манифесте от 22 февраля 1711 года царь «повелел войскам своим главным отовсюду к турским границам итить, куда и сам особою своею вскоре прибыть изволит»[129]. Первоочередная задача, стоящая перед российским командованием, состояла в концентрации войск на двух флангах предстоящего театра военных действий: Приднестровье на западе и в Приазовье на востоке. Основная группа войск под командой Шереметева прямо из Прибалтики, через Польшу, ранней весной 1711 года была отправлена к границам Молдавии и Валахии — вассальных княжеств Османской империи. Позднее к армии Шереметева присоединился Петр I с супругой. Отсутствие у русского командования четкого плана наступления и невозможность оперативного управления военными действиями в Приазовье неизбежно привели Петра I к мысли о необходимости предоставления командующему войсками в Азовской губернии самого широкого круга полномочий.

Главные силы турецкой армии Османское правительство направило навстречу российским войскам, посчитав район Приазовья — Прикубанья важным, но второстепенным. Главная задача, поставленная турецким командованием перед войсками, направленными в Приазовье, заключалась в захвате Азова и Таганрога. Выполнение ее возлагалось на вооруженные силы Крымского ханства, для поддержки которых 8 апреля 1711 года была направлена флотилия в составе 22 галер, 27 галиотов и около 300 мелких судов. Кроме того, в Бахчисарае рассчитывали на помощь сторонников С. Лещинского и казаков Ф. Орлика, с которыми у Девлет-Гирея II имелись соответствующие договоренности[130]. Вместе с тем правительство Ахмеда III фактически не предприняло серьезных мер для усиления обороноспособности Крымского полуострова и безопасности Черноморских проливов, о чем свидетельствует анонимная записка османского чиновника[131].

Петр I возложил оборону Приазовья на губернатора, адмирала Ф. М. Апраксина. В его распоряжение поступили расположенные и присланные из Москвы полки, донское войско и калмыцкие отряды, посланные для защиты ханом Аюкой. Военные действия в Приазовье начались уже в начале зимы 1711 года. 15 января капитан-командор И. Бекман доносил Ф. М. Апраксину о наступлении кубанцев и необходимости принять меры к охране кораблей, находящихся в Азове.

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 75 30.03.2012 14:06:08

Рис. 17. **Ф. М. Апраксин**

В конце января П. М. Апраксин отправил царю письмо, в котором испрашивал инструкций царя на случай, если «...черкесы прикочуют к Азову, принимать ли, и где им быть, и какою милостию их обнадеживать?», на что последовал ответ: «Принимать и обнадеживать, как возможно»[132]. Поскольку в начале 1711 года российское правительство ожидало ответа султана на предложение о восстановлении мира, адмирал спрашивал, какие меры предпринимать в ответ на набеги «крымцов и кубанцов» к «Азову, Троицкому, Черкасскому?». Петр I повелел: «Учинить начала, с помощию божиею, снатным походом... и потом позволить всем, а до того удержать»[133].

В начале зимы 1711 года по царскому указу «для воинского совету» к калмыцкому хану Аюке был направлен Саратовский комендант Н. П. Беклемишев. В ответ на предписание Петра I «выйти в поход на Кубань и Крым», хан попросил коменданта уведомить кабардинских князей о начале русско-турецкой войны, что было исполнено. 2 февраля 1711 года Н. П. Беклемишев отправил письмо «Атягозуку-мурзе да Исламу-мурзе и другим мурзам». В нем он извещал кабардинских князей о том, что «ныне великий государь указал на турак и на крымцов идти его царского величества господину адмиралу и кавалеру Федору Матвеевичу Апраксину со многими полками»[134]. Сообщая кабардинцам, что «Аюке-хану, имянным его, великого государя, указом повелено со всею ордою быть готову на ево, великого государя, службу на кубанцов и на крымцов», комендант предлагал князьям, что как только «по указу великого государя Аюки-хана калмыки посланы будут на ево, великого государя, службу на кубанцов, и вы, соединяся с ними, войною на кубанцов подите безо всякого сомнения неотложно»[135].

Царский указ хану Аюке послать «от себя на Кубань и в Крым воинских своих людей»[136] последовал 28 февраля. В феврале 1711 года кабардинские князья прислали Петру I письмо, в котором уверяли царя в готовности выполнить договоренности 1709 года[137]. Уведомив о том, что они знают о начале русско-турецкой войны, князья просили: «впредки какой будет...

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 76 30.03.2012 14:06:08

договор и мирное постановление, и в то число и нас, раб своих, не позабудьте, чтоб крымский хан нам впредь никакой обиды и шкоды не чинил»[138].

2 марта комендант Беклемишев прибыл в Москву. Он известил российское правительство о результатах переговоров с калмыцким ханом Аюкой: «Хан приказывал с ним словесно донесть, что он, хан, калмык своих на кубанцев и на крымцов пошлет. И кубанцы-де против моих войск не устоят, а и в Крыме-де смятение немалое будет, а крымцам-де охранять кубанцов не возможно, через Дон не перепустят. А через моря у них есть перевоз ис Крыму на Кубань, только труден, естьли-де спутных (попутных. — Дж. Р.) ветров не будет, на гребле и в десять дней не перегребут... А как-де уведают (кубанцы. — Дж. Р.) о походе калмыцком и кабардинских на Кубань, чают, что битца не будут. Да Аюка же хан говорил о козаках, которые бежали с Некрасовым, что их много пропало от голоду. Нынешнею-де осенью пришли из тех казаков в Кабарду с лишком со ста человек и ныне живут в Кабарде»[139].

Весной 1711 года с целью уточнить план предстоящей компании в Прикубанье П. М. Апраксин обратился с письмом к Петру I. Царю предлагалось выбрать направление главного удара: «на Кубань» или «на Крым»?[140] Ответ Петра I гласил: «Как возможно трудиться на кубанцов итить и их разорить или покорить... »[141]. Кроме того, губернатор просил царя определить направление удара и для вооруженных сил союзников России — кабардинских князей: «К кабардинцам посылать и подымать их на кубанцов, иль на Крым, а жилищи кабардинские близ Кубани, а к Крыму чрез проливу моря Азовского?»[142]. Однако здесь царь затруднялся с ответом и предлагал П. М. Апраксину решить самому — «Подумать, куда удобнее»[143].

Для координации военных действий кабардинских князей с русской армией в Приазовье в начале весны 1711 года в русском командовании было принято решение направить в Кабарду офицера гвардии, князя А. Б. Черкасского. 5 марта 1711 года Черкасский направил Петру I донесение, где просил царских указаний по следующим вопросам: «1. Когда прибуду на границу гребенских казаков, тогда мне от себя посылать ли ко владелцом, чтоб виделись со мною в том месте, или прямо к ним ехать самому?»; «2. По прибытии моем ко владелцам, что со оными будет у меня чинитца, и о том ведения до кого писать?»; «3. Особливые владелцы, которые граничат с черкесы, а похотят служить, призывать ли оных для умножения войска? И по склонности, ежели востребуют каких подарков, надобно послать сукон и протчего, как прежде к ним посылали, и что обещать и коликом числом?»; «4. В проезде в пути для пустых мест и степей, чтоб даны были проважатые и подводы без задаржания, и о том надлежит указ губернатору казанскому»; «5. Как оные владел-

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 77 30.03.2012 14:06:08

цы по призыву в указанные места пойдут, мне обще ли с ними ехать, или какова указу ожидать?»[144]

На что Петр I отвечал так: по первому вопросу — «Ехать к Оюке и оттоль ссылатца, а буде удобно и самому ехать», по второму — «Писать ко мне через Азов, а к Москве чрез Петра Матвеевича», по третьему — «Взять с собою, что возможно, а в протчем обещать и писать к Москве к Сенату, которые будут присылать», по четвертому — «О сем оному словесно приказано», и, наконец, по пятому — «Лучше быть при них и о всем писать»[145]. Под текстом документа приписка следующего содержания: «...марта 6-го дня по требованию... князя Черкасского, велено с ним отпустить из Сибирского приказу мяхкой рухляти на 1000 рублей»[146].

5 марта 1711 года Петр I отправил Калмыцкому хану Аюке грамоту, в которой уведомлял хана о достигнутых между российским правительством и кабардинскими князьями соглашениях. «...Известно нам...что князь и владельцы черкесские и кабардинские и весь народ тот желают под нашу высокодержавную руку поддатись и тем себя из под ига турского и хана крымского свободити, понеже крымцы им неприятели и частые брани между ними случаются, и что... постановили они служить нам... а с крымцами воевати. И хотят о том от нас... помочи. И мы... указали их в подданство к себе приняти. И в нашей... грамоте повелели к ним, чтоб они ныне показали свою службу и верность против салтана турского и хана, за что обнадежили их милостию нашей и вспоможением»[147]. Далее царь сообщал хану о том, что для «лутчаго... о всем о том... извещения» он послал к кабардинским князьям «сродника их князя Александра Черкасского, который в службе нашей обретается»[148].

В конце письма Петр I указывал Аюке: «И как он, князь Александр, к тебе приедет, и тебе б... велеть его проводить безопасным путем в тое орду, и послать от себя к ним, кабардинским владельцом, кого пристойно, и склонить их, дабы они к нам... в подданство поддались, за что получат милость нашу. И обнадежить их, что когда он с тамошним народом пойдут на Крым или на Кубань воевати, тогда ты... им в том вспомогать и обще над теми неприятели нашими воински промыслы чинить будешь... »[149].

Рис. 18.
А. Б. Черкасский

В конце весны 1711 года Черкасский достиг владений хана Аюки, откуда 22 мая отправил Петру I донесение, в котором излагал результаты достигнутых договоренностей по организации калмыцко-кабардинского антикрымского альянса. В беседе с ханом выяснилось, что «зим-

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 78 30.03.2012 14:06:08

ним временем» к нему прибыли «посланцы от владелцов черкесских» и «требовали войска калмытского»[150]. На что хан ответил: «без воли... царского величества того учинить не смею»[151].

Не теряя времени, князь решил известить кабардинских князей о своем прибытии и послал в Кабарду своего представителя. Вскоре в ставку хана прибыли кабардинские «посланцы», изустно передавшие Черкасскому, что «владелцы черкесские... желают вашему царскому величеству служить, только к себе просят в помочь войска калмытского и несколко русских, сообщась вместе, чинить промысл военной над неприятелем в. ц. в., а имянно, на Кубань»[152]. Черкасский передал посланцам, что «калмыки будут вам помогать, а об русских писать буду до в. ц. в.»[153]. На военном совете с ханом было решено отправить к кабардинцам часть калмыцкой конницы под командованием сына хана «Чапдержапа», а другую направить в Азов к Ф. М. Апраксину.

Однако П. М. Апраксин приказал «ждать себя до приезду своего из Казани в Царицын, и в то время умедлилось»[154]. В конечном свете князю пришлось поехать «к черкесом» «хотя и без калмык по нужде, а удобнее бы с калмыками»[155]. В конце письма Черкасский заверял царя в том, что будет «стараться, чтоб оные черкесы показали вам службу» и просил удовлетворить просьбу кабардинцев — выделить российские войска: «ежели воля ваша, царского величества, соизволит хотя малое число для славы взять драгунов из Астрахани, а в Астрахани полк драгунский в гварнизоне»[156].

В начале июня 1711 года Черкасский прибыл в Терки, откуда отправил в Кабарду письмо, текст которого был подготовлен в Посольском приказе в апреле 1711 года. Письмо, по словам Черкасского, являлось ответом на послания к нему кабардинских князей, общее содержание которых — просьба о принятии в российское подданство.

Князь предлагал кабардинцам: «Усмотря благовременно... случай, когда салтан турской с его царским величеством мир неправедно и без всякой данной ему причины нарушил и войну всчал», продемонстрировать «свою службу»[157]. Для чего необходимо «собрав войска свои, идти на Крым или на Кубань и на иные татарские места и чинить над ними поиск. А царское величество, усмотря ту вашу к нему служ-

Рис. 19. **Астраханские ногайцы**

politik_rus_in_North_Caucasus_print4.indd 79 30.03.2012 14:06:08